

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга первая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Глава I. Установление Советской власти	8
Глава II. За и против	23
Глава III. Обер-шпион	32
Глава IV. Сибирская авантюра	46
Глава V. Мир и война	57
Глава VI. Вооруженная интервенция	69
Глава VII. Подведение баланса	87

Книга вторая

ТАЙНЫ «САНИТАРНОГО КОРДОНА»

Глава VIII. Белый крестовый поход	95
Глава IX. Необыкновенная судьба одного террориста	105
Глава X. К финской границе	121
Глава XI. Прелюдия с барабанным боем	132
Глава XII. Миллионеры и диверсанты	135
Глава XIII. Три процесса	145
Глава XIV. Конец эпохи	152

Книга третья

«ПЯТАЯ КОЛОННА» В РОССИИ

Глава XV. Путь к измене	156
Глава XVI. Возникновение «пятой колонны»	174
Глава XVII. Измена и террор	192
Глава XVIII. Убийство в Кремле	209
Глава XIX. Критические дни	221
Глава XX. Куда вел след	237
Глава XXI. Убийство в Мексике	257

Книга четвертая
ОТ МЮНХЕНА К САН-ФРАНЦИСКО

Глава XXII. Вторая мировая война	264
Глава XXIII. Американский Антикоминтерн	280
Глава XXIV. Процесс шестнадцати	305
Глава XXV. Объединенные нации	314
Примечания	321

Ни один из эпизодов или разговоров, встречающихся в книге «Тайная война против Советской России», не является авторским вымыслом. Во время подготовительной работы над этой книгой мы пользовались официальными изданиями государственного департамента США; протоколами заседаний различных комиссий конгресса США; официальными документами, изданными английским правительством; опубликованными советским правительством стенографическими записями судебных процессов.

Мы использовали также опубликованные мемуары многих лиц, упоминаемых в этой книге. Все приведенные в книге разговоры взяты из мемуаров, из официальных отчетов или из других документальных источников.

Авторы

Книга первая

РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА I. УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

1. Миссия в Петроград

В середине лета знаменательного 1917 года, когда в России уже бурлил вулкан революции, некий американец, майор Рэймонд Робинс, прибыл в Петроград с весьма важным секретным заданием. Официально он был заместителем начальника американской миссии Красного Креста. Неофициально он состоял на службе в разведывательном отделе армии Соединенных Штатов. Его секретное задание состояло в том, чтобы препятствовать выходу России из войны с Германией.

На Восточном фронте положение было угрожающее. Немцы дробили на части русскую армию, плохо вооруженную и подчиненную бездарному командованию. Пал расшатанный войною и насквозь прогнивший феодальный царский режим. В марте Николай II был вынужден отречься от престола, и в России было создано Временное правительство. По всей стране пронесся революционный клич: «За мир, за хлеб, за землю!», в котором слились и новые надежды, и давнишние чаяния миллионов измученных войной, обездоленных и голодных русских людей.

Союзники России — Англия, Франция и США — со страхом ждали неминуемого развала русской армии. С минуты на минуту у немцев могла освободиться на Восточном фронте миллионная армия для переброски на Запад, против усталых войск союзников. Не меньшую тревогу вызывала мысль, что украинская пшеница, кавказская нефть, донецкий уголь и прочие неисчислимые богатства русской земли попадут в прожорливую пасть Германии.

Союзники прилагали все усилия к тому, чтобы заставить Россию воевать хотя бы до тех пор, пока на Западный фронт при-

будут американские подкрепления. Майор Робинс был одним из тех многих дипломатов, военных и агентов разведки, которых спешно посылали в Петроград, чтобы всеми силами попытаться сохранить Россию в числе воюющих стран.

Рэймонд Робинс, человек сорока трех лет, наделенный неиссякаемой энергией, редким красноречием и большим личным обаянием, жгучий брюнет с орлиным профилем, был видной фигурой в Соединенных Штатах. Он отказался от блестящей деловой карьеры в Чикаго, чтобы посвятить себя общественной и благотворительной деятельности. В политике он был горячим сторонником Теодора Рузвельта и играл ведущую роль в предвыборной кампании 1912 г., когда Рузвельт пытался попасть в Белый Дом без помощи крупного капитала и политических махинаций. Робинс был воинствующим либералом, неустанным борцом за всякое движение, направленное против реакции.

— Что? Рэймонд Робинс? Этот фантазер? Этот рузвельтист? К чему он в этой миссии? — воскликнул глава американского Красного Креста в России полковник Вильям Бойс Томпсон, узнав, что Робинс назначен его заместителем. Полковник Томпсон был правоверным членом республиканской партии. Он был лично заинтересован в русских делах, в частности в русском марганце и меди. Но он также умел трезво оценивать факты. Про себя он уже решил, что консервативная позиция, занятая чиновниками государственного департамента США по отношению к бурным событиям в России, ничего хорошего не сулит.

Американским послом в России был в то время Дэвид Фрэнсис — пожилой, упрямый банкир из Сент-Луиса, любитель покера и в свое время губернатор штата Миссури. С гривой серебряных волос, в старомодном крахмальном воротничке и визитке он являл собою странную фигуру в обстановке потрясенного войной революционного Петрограда.

«Старику Фрэнсису, — как-то заметил один английский дипломат, — не отличить эсера от картошки».

Фрэнсис, правда, плохо разбирался в политической жизни России, но зато был непоколебим в своих убеждениях. Создавались они главным образом на основании сенсационных сплетен, ходивших среди царских генералов и миллионеров, которые осаждали американское посольство в Петрограде. Фрэнсис утверждал, что русские беспорядки — результат немецкого за-

говора, а все русские революционеры — иностранные агенты. И как бы там ни было, скоро все обойдется.

21 апреля 1917 г. Фрэнсис послал государственному секретарю США Лансингу такую телеграмму:

Крайний социалист или анархист по фамилии Ленин произносит опасные речи и тем укрепляет правительство; ему умышленно дают волю; своевременно будет выслан.

Но после свержения царя русская революция отнюдь не затихла — она еще только начиналась. Русская армия разваливалась, и, казалось, никто в России не в состоянии был остановить этот процесс. Александр Керенский, честолюбивый премьер Временного правительства, совершая поездку по фронту, обращался к войскам с красноречивыми заверениями, что не сегодня-завтра придет «победа, демократия и мир». Не убежденные его речами, голодные, озлобленные русские солдаты десятками тысяч уходили с фронта. В грязных, оборванных шинелях они бесконечным потоком двигались по стране, вдоль размокших от дождя полей, по размытым проселкам, в родные города и деревни¹.

В тылу возвратившиеся домой солдаты встречались с революционными рабочими и крестьянами. Крестьяне, солдаты и рабочие повсюду создавали свои революционные комитеты или советы и выбирали депутатов, которые должны были передать правительству их требования — мира, земли и хлеба!

К тому времени, когда майор Рэймонд Робинс попал в Петроград, голодные, ожесточенные народные массы разлились по стране бурным потоком. Солдатские делегации текли в столицу прямо на грязи окопов и требовали прекращения войны. Почти каждый день происходили хлебные беспорядки. Большевистская партия Ленина — организация русских коммунистов, которую Керенский объявил нелегальной и загнал в подполье, — быстро крепла и завоевывала популярность в народе.

Рэймонд Робинс не согласился с тем мнением, какое создавалось о России у Фрэнсиса и его друзей из придворных кругов. Не задерживаясь в петроградских гостиных, он, по его выражению, «выехал в действующую армию», чтобы своими глазами увидеть, что творится в России. Робинс страстно верил в то, что он называл «трезвым умом — столь обычным у удачливых американских дельцов, умом, который не полагается на болтовню, но обязательно ищет фактов». Он стал разъезжать по стране, посещая заводы, профсоюзные собрания, казармы и даже кишашие вшами

окопы на германском фронте. Чтобы разобраться в том, что происходит в России, Робинс окунулся в массы русского народа.

В тот год вся Россия напоминала сплошной огромный митинг. Народ, веками вынуждаемый к молчанию, наконец, обрел дар речи. Митинги возникали повсюду. Все хотели говорить. Правительственные чиновники, агитаторы за дело союзников, большевики, анархисты, эсеры, меньшевики — все говорили наперебой. Самыми популярными ораторами были большевички. Солдаты, рабочие и крестьяне подхватывали и повторяли их слова.

— Объясни ты мне, за что я воюю, — требовал русский солдат на одном из таких бурных митингов, — за Константинополь или за свободную Россию? За демократию или за грабителей-капиталистов? Если ты мне докажешь, что я защищаю революцию, я пойду воевать и без угрозы расстрела. Когда земля будет принадлежать крестьянам, заводы — рабочим, а власть — Советам, мы будем знать, за что воюем, и будем воевать!

Робинс чувствовал себя в родной стихии. Дома, в США, он часто выступал с трибуны, часто спорил с американскими марксистами. Почему бы не поспорить с русскими большевиками? Нередко он просил разрешения ответить оратору-большевику. В окопах и на многолюдных заводских собраниях этот плечистый, темноглазый американец вставал с места и говорил. Через своего переводчика Робинс рассказывал русским об американской демократии и об угрозе прусского милитаризма. Его выступления неизменно вызывали бурю аплодисментов.

В то же время Робинс не забывал своих обязанностей по Красному Кресту. Задачей его было добывать продовольствие для голодающих городов. На Волге Робинс обнаружил огромные запасы гниющего на складах зерна, которое нельзя было вывезти за неимением транспорта. При царском режиме бездарное руководство совсем развалило транспорт, а Керенский ничего не предпринял для его восстановления. Робинс пробовал собрать на Волге флотилию барж для перевозки зерна, но чиновники Керенского уверяли его, что это невыполнимо. Но вот к Робинсу явился один крестьянин, отрекомендовавшийся председателем местного совета крестьян. Он сказал, что баржи будут. И на следующее утро хлеб двинулся вверх по реке к Москве и Петрограду.

Повсюду Робинс наблюдал тот же контраст между полной беспомощностью правительства Керенского и организованно-

стью и решимостью революционных советов. Раз председатель совета что-нибудь обещал, можно было не сомневаться, что дело будет сделано...

Когда Робинс впервые попал в русскую деревню и пожелал увидеть кого-нибудь из местных властей, крестьяне в ответ только улыбнулись: «Вы бы лучше потолковали с председателем совета».

— Что это за совет? — спросил Робинс.

— Рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

— Но это какая-то революционная организация, — возразил Робинс, — а мне нужна гражданская организация — законные гражданские власти.

Крестьяне рассмеялись: «Ну, эти немногочисленны. Вы лучше поговорите с председателем совета».

Вернувшись в Петроград, Робинс сделал предварительный доклад полковнику Томпсону. Он заявил, что Временное правительство Керенского — «власть на бумаге, навязанная сверху и опирающаяся на штыки в Москве, Петрограде и нескольких других пунктах». Подлинную власть в стране осуществляют Советы. Но Керенский стоит за продолжение войны с Германией, и поэтому он, Робинс, считает необходимым, чтобы Керенский оставался у власти. Если союзники не хотят, чтобы Россия пришла в состояние хаоса и попала под власть Германии, они должны всячески повлиять на Керенского и заставить его признать Советы и договориться с ними. Пока не поздно, следует подробно ознакомиться с положением дел правительство США.

Робинс выдвинул смелый план: немедленно развернуть широкую пропаганду с целью убедить русский народ, что истинную угрозу для революций представляет Германия.

К его великому удивлению, полковник Томпсон безоговорочно одобрил и его доклад, и его предложение. Он сказал Робинсу, что сообщит в Вашингтон о задуманной кампании и будет просить санкции и средств для ее проведения. А пока пусть Робинс, не теряя времени, приступает к работе.

— Но где взять денег? — спросил Робинс.

— Я сам рискну миллионом, — ответил полковник Томпсон.

Робинс получил разрешение брать деньги со счета Томпсона в петроградском банке.

— Главное, — твердил Томпсон, — удержать русскую армию на фронте и не пустить Германию в Россию.

Однако полковник отлично понимал весь риск такого активного личного вмешательства в русские дела.

— Вы знаете, что это означает, Робинс? — спросил он.

— Думаю, полковник, что это единственный шанс спасти положение, — ответил Робинс.

— Нет, я не о том, а что это означает для вас?

— А именно?

— Это означает, что если мы провалимся, вас расстреляют.

Робинс пожал плечами.

— На Западном фронте каждый день гибнут люди и моложе, и лучше меня. — И, помолчав, прибавил: — Если меня расстреляют, то вас, полковник, повесят.

— Вероятно, вы правы, черт побери! — сказал полковник Томпсон².

2. Контрреволюция

С Балтики дул холодный осенний ветер, дождевые тучи низко нависли над городом; в Петрограде события стремительно неслись к своей исторической развязке.

Бледный, взволнованный, как всегда в доверху застегнутом коричневом френче, выпучив глаза и по-наполеоновски согнув в локте правую руку, Александр Керенский, премьер Временного правительства, шагал по своему кабинету в Зимнем дворце и кричал в лицо Рэймонду Робинсу:

— Чего они хотят от меня? Половину времени я должен проповедовать западно-европейский либерализм, чтобы угодить союзникам, а остальное время — российско-славянский социализм, чтобы сберечь голову на плечах!

У Керенского были причины волноваться. Те, на кого он опирался — русские миллионеры и англо-французские союзники, — уже сговаривались за его спиной о том, чтобы отстранить его от власти.

Русские миллионеры прямо угрожали, что откроют двери немцам, если Англия и Франция не предпримут мер для борьбы с революцией.

«Революция — это болезнь, — сказал американскому корреспонденту Джону Риду «русский Рокфеллер» Степан Георгиевич Лианозов. — Рано или поздно иностранные державы должны будут вмешаться, как всякий вмешался бы, чтобы вылечить больного ребенка и научить его ходить».

Другой русский миллионер, Рябушинский, заявил, что видит один выход из положения — «костлявая рука голода, народная нищета схватит за горло лжедрузей народа — демократические советы и комитеты».

Сэр Сэмюэль Хор, начальник британской дипломатической разведки в России, вернулся в Лондон после бесед с этими русскими миллионерами и доложил, что лучшее разрешение русской проблемы — военная диктатура. По словам Хора, самыми подходящими кандидатами на пост диктатора были адмирал Колчак (Хор назвал его «самым близким подобием английского джентльмена, какое он видел в России») и генерал Лавр Георгиевич Корнилов, маленький и крепкий, с черной бородкой, командующий казачьими частями русской армии.

Английское и французское правительства решили сделать ставку на Корнилова — пусть именно он будет тем сильным человеком, который не даст России выйти из войны, покончит с революцией, и будет отстаивать англо-французские финансовые интересы в России.

Когда Робинс узнал об этом решении, ему сразу стало ясно, что союзники допустили серьезную ошибку. Они не понимают характера русского народа. Они играют на руку большевикам, с самого начала предупреждавшим, что режим Керенского окажется ширмой, за которой будет тайно подготавливаться контрреволюция. Генерал-майор Альфред Нокс, английский военный атташе и начальник английской военной миссии в Петрограде, резко предложил Робинсу оставить свое мнение при себе.

Путч должен был состояться 8 сентября 1917 г. Утром Корнилов в качестве главнокомандующего выпустил прокламацию, в которой призывал к свержению Временного правительства и к установлению «дисциплины и порядка». На улицах Москвы и Петрограда появились тысячи листовок, озглавленных «Русский герой Корнилов». Много лет спустя Керенский рассказал в своей книге «Катастрофа», что «эти листовки были отпечатаны на средства английской военной миссии и доставлены в Москву из английского посольства в Петрограде в вагоне английского военного атташе генерала Нокса». Корнилов отдал приказ о наступлении двадцатитысячной армии на Петроград. В рядах ее были французские и английские офицеры в русских мундирах.

Керенский был потрясен этим предательством. В Лондоне и в Париже его попрежнему величали «героем русских народных

масс» и «великим демократом». А здесь, в России, представители союзников пытаются его свергнуть! Керенский беспомощно искал выхода и ничего не предпринимал.

Петроградский совет, в котором большинство составляли большевики, по собственной инициативе отдал приказ о немедленной мобилизации. К вооруженным рабочим присоединились революционные матросы-балтийцы и солдаты с фронта. На улицах спешно возводились баррикады и проволочные заграждения. Устанавливались орудия и пулеметы. Красногвардейцы-рабочие в кепках и кожаных куртках, вооруженные винтовками и ручными гранатами, — ходили дозором по грязным булыжным мостовым.

В четыре дня армия Корнилова развалилась. Сам Корнилов был арестован солдатским комитетом, тайно созданным в его войсках. Около сорока царских генералов, участвовавших в заговоре Корнилова, в первый же день были арестованы в гостинице «Астория», где они ожидали известий о победе Корнилова. Товарищ военного министра в правительстве Керенского Борис Савинков, скомпрометированный участием в заговоре, был смещен. Временное правительство теряло почву под ногами...

Путч привел как раз к тому, что он должен был предотвратить: к победе большевиков и демонстрации силы Советов.

Фактически власть в Петрограде принадлежала не Керенскому, а Советам.

Усиление Советов, по словам Рэймонда Робинса, решило исход дела. «Советы — вот сила, победившая Корнилова».

Со своей стороны посол Фрэнсис телеграфировал в государственный департамент:

«Провал Корнилова можно объяснить плохой связью, дезинформацией, неправильными методами, неоперативностью. Хороший солдат, патриот, но не опытен. Правительство сильно напугано, и, возможно, урок пойдет ему на пользу».

3. Революция

События развивались стремительно. Ленин из подполья провозгласил новый лозунг: «Вся власть Советам! Долой Временное правительство!»

7 октября полковник Томпсон отправил в Вашингтон тревожную телеграмму:

«Максималисты (большевики) активно добиваются большинства на Всероссийском Съезде рабочих и крестьянских депутатов, назначенном на текущий месяц. В случае успеха будет образовано новое правительство, последствия могут быть пагубные — вплоть до сепаратного мира. Используем все ресурсы, но требуется немедленная поддержка, иначе будет поздно».

3 ноября в кабинете Томпсона состоялось тайное совещание военного руководства союзников в России. Как обуздать большевиков? Глава французской военной миссии генерал Ниссель обрушился на Временное правительство, упрекая его в беспомощности, а русских солдат обругал «собаками». Тут один из русских генералов встал и, весь красный от гнева, вышел из комнаты.

Генерал Нокс стал упрекать американцев за то, что они не поддержали Корнилова.

— К чему мне Керенский и его правительство? — кричал Нокс Робинсу. — Бездарные, никчемные люди. Вы бы должны стоять за Корнилова!

— Но, генерал, — возразил Робинс, — вы-то стояли за Корнилова!

Английский генерал вспыхнул.

— Единственное, что сейчас возможно в России, — сказал он, — это военная диктатура. Этим людям нужен кнут!

— Генерал, — сказал Робинс, — как бы здесь не получилась диктатура совсем другого рода.

— Эти красные агитаторы?!

— Вот-вот.

— Робинс, — оказал генерал Нокс, — вы не военный. Вы ничего не смыслите в военных делах. Военные знают, как поступать с такими типами. Мы их ставим к стенке и расстреливаем.

— Да, если вам удастся их поймать, — сказал Робинс. — Я огласен, генерал, что ничего не смыслю в военных делах, но в народе я кое-что смыслю; я работал с ним всю жизнь. Я поездил по России и думаю, что сейчас главная проблема для вас — народ.

7 ноября 1917 г., через четыре дня после этого совещания, власть в России перешла к большевикам.

Большевистская революция, потрясшая весь мир, совершалась необычно, вначале почти незаметно. Это была самая мирная революция в истории. По улицам столицы расхаживали небольшие отряды солдат и матросов. То тут, то там раздавались случайные выстрелы. Люди собирались кучками на холодных

улицах, спорили, размахивали руками, читали свежие воззвания и прокламации. Как всегда, передавались разноречивые слухи. По Невскому дребезжали трамваи. Женщины ходили за покупками. Консервативные петроградские газеты вышли в этот день обычным порядком и даже не сообщили о том, что произошла революция.

Почти не встретив сопротивления, большевики заняли телефонную станцию, телеграф, государственный банк и министерства. Зимний дворец — место пребывания Временного правительства — был окружен.

Керенский в тот же день бежал из Петрограда в автомобиле американского посольства под американским флагом. Перед отъездом он наскоро сообщил послу Фрэнсису, что скоро вернется, приведет с фронта войска и «в пять дней все уладит».

В 6 часов вечера Фрэнсис телеграфировал государственно-му секретарю Ланстагу:

Большевики, по-видимому, завладели здесь всем. Не могу разыскать ни одного министра...

Наступила холодная, дождливая ночь. По мокрым улицам разъезжали грузовики, останавливаясь у костров, где грелись часовые. Из грузовиков летели белые пачки прокламаций:

К ГРАЖДАНАМ РОССИИ

Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!

*Военно-революционный комитет
при Петроградском совете
рабочих и солдатских депутатов.*

Сотни красногвардейцев и солдат стянулись к ярко освещенному Зимнему дворцу — последней твердыне уже не существовавшего Временного правительства. Внезапно вся эта темная масса ринулась вперед, перекатилась через баррикады и хлынула в

Зимний. Бывшие министры Керенского были арестованы в огромной, богато убранной комнате, где они весь этот день просидели, совещаясь, за длинным столом. Стол был завален смятыми листами бумаги — остатками недописанных прокламаций. Одна из них начиналась так: «Временное правительство обращается ко всем классам с предложением поддержать правительство...»

В 10.45 вечера 7 ноября открылся II Всероссийский Съезд Советов. Происходил он в актовом зале Смольного института, где раньше воспитывались дочери русских аристократов. В огромный прокуренный зал с мраморными колоннами, белыми люстрами и инкрустированным полом пришли выборные представители русских солдат и рабочих. Грязные, небритые, усталые депутаты — солдаты с запекшейся на шинелях грязью окопов, рабочие в кепках и смятых черных костюмах, матросы в тельняшках и бескозырках — жадно слушали членов Центрального Исполнительного Комитета, которые один за другим поднимались на трибуну.

Съезд длился два дня. К концу второго дня в зале послышался многоголосый шум — на трибуне появился невысокий коренастый человек в мешковатом костюме, с блестящей лысой головой. Он держал пачку бумаг в руке.

Шум не смолкал несколько минут. Наконец, слегка наклонившись вперед, оратор начал: Теперь мы приступаем к построению социалистического общества!

Это был Ленин.

На съезде было сформировано первое советское правительство — Совет Народных комиссаров, во главе которого стал Владимир Ильич Ленин.

4. Непризнание

На утро после образования советского правительства посол Фрэнсис послал письмо своему другу Мэддину Саммерсу, американскому генеральному консулу в Москве.

«Говорят, — писал Фрэнсис, — что Петроградский совет рабочих и солдат создал кабинет, в котором Ленин — премьер, Троцкий — министр иностранных дел, а мадам или мадемуазель Коллонтай — министр просвещения. Но я считал бы такой опыт желательным, ведь чем нелепее ситуация, тем быстрее можно ее изменить».

В Вашингтон Фрэнсис сообщил, что, по его мнению, советский режим не просуществует и месяца. Он убеждал государственный департамент не признавать русское правительство, пока большевики не будут свергнуты и их не сменят «русские патриоты»...

В то же утро Рэймонд Робинс вошел в кабинет полковника Томпсона в петроградском штабе Красного Креста.

— Начальник, — сказал Робинс, — нам надо поторапливаться! Все эти разговоры, что Керенский где-то соберет армию, что с Дона идут казаки, а из Финляндии — белая гвардия, — все это вздор. Им не дойти сюда. Слишком много вооруженных крестьян преграждают им путь. Нет, эти заправилы из Смольного еще продержатся!

Робинс просил у своего начальника разрешения сейчас же отправиться в Смольный для беседы с Лениным.

— В общем, это хорошие, достойные люди, — сказал Робинс о большевиках. — Я и сам занимался политикой и имел дело с американскими политическими лидерами и уж не думаю, чтобы в Смольном нашлись люди, более продажные и скверные, чем некоторые наши политиканы!

Вместо ответа Томпсон показал Робинсу только что полученные из Вашингтона распоряжения. Его немедленно вызывали туда для личных разговоров.

Он согласился с мнением Робинса, что большевики представляют массы русского народа, и сказал, что по приезде в Америку попытается убедить в этом государственный департамент. А пока Робинс возводится в чин полковника и назначается начальником американской миссии Красного Креста в России. Полковник Томпсон пожал руку своему бывшему заместителю и пожелал ему удачи.

Робинс не стал терять времени. Он поехал в Смольный и был принят Лениным.

— Я стоял за Керенского, — откровенно признался Робинс, — но когда передо мною труп, я это понимаю, и я вижу, что Временное правительство умерло. Я хочу выяснить, может ли американский Красный Крест служить русскому народу без ущерба для наших национальных интересов. Ваша программа внутренней политики мне не нравится, но внутренние дела России меня не касаются. Будь у власти Корнилов, или царь, или еще кто, я бы раз говаривал с ними.

Энергичный, общительный американец приглянулся Ленину. Он попытался разъяснить Робинсу, что такое советская власть. Ленин коснулся в беседе экономических задач советской власти.

— Мы покажем миру республику трудящихся. Мы не посылаем в советы людей, которые владеют собственностью. Мы посылаем туда трудящихся. Донбасс будет представлен теми, кто добывает уголь; железные дороги — работниками транспорта; почтовое ведомство — работниками связи и т. д.

В беседе с Робинсом Ленин коснулся еще одного существенного пункта программы большевиков: разрешения «национального вопроса». Царизм безжалостно угнетал многочисленные национальности, населяющие Россию, и низводил их на положение подчиненных народностей. Все это нужно изменить, говорил Ленин. Нужно искоренить антисемитизм и другие подобные ему предрассудки, которые царизм использовал, чтобы натравливать одни группы населения на другие. Всем национальностям, всем национальным меньшинствам в России следует дать полную свободу и равные права.

Ленин сказал Робинсу, что заниматься этой сложной и чрезвычайно важной проблемой будет один из руководящих большевиков, специалист по национальному вопросу, Иосиф Сталин³.

Робинс спросил Ленина, можно ли надеяться, что Россия будет продолжать войну с Германией.

Ленин ответил вполне откровенно. Россия уже вышла из войны. Она не может воевать с Германией, пока не будет создана новая армия. На это нужно время. Вся прогнившую систему русской промышленности и транспорта придется перестраивать сверху донизу.

Советскому правительству, сказал далее Ленин, нужно и признание и дружеское отношение Соединенных Штатов. Он не закрывал глаза на враждебность, которую его режим вызывал в официальных кругах США. Он предложил Робинсу минимальную практическую программу сотрудничества. В обмен на техническую помощь со стороны Америки советское правительство берет эвакуировать с Восточного фронта все военные материалы, которые в противном случае неизбежно попадут в руки немцев.

Робинс сообщил о предложении Ленина генералу Вильяму Джадсону, американскому военному атташе и главе американской военной миссии в России, и генерал Джадсон отправился в Смольный договариваться о подробностях соглашения. Он вы-

двинул еще одно условие: до окончания войны задержать репатриацию сотен тысяч германских военнопленных, находящихся в России. Ленин согласился.

Генерал Джадсон немедленно заявил послу Фрэнсису, что интересы США требуют признания советского правительства.

— Советы — фактическое правительство страны, — сказал он, — и с ними необходимо установить отношения.

Но посол держался иной точки зрения и уже успел сообщить о ней в Вашингтон.

Через несколько дней Фрэнсис получил от государственного секретаря Лансинга телеграмму с указанием, что представителям Америки надлежит «воздержаться от всякого непосредственного общения с большевистским правительством». Следовало недвусмысленное добавление: «Доведите до сведения Джадсона».

Второй телеграммой, отправленной вскоре после первой, генерал Джадсон был отозван в США.

Робинс хотел подать в отставку из протеста против такой политики государственного департамента. К его удивлению, Фрэнсис просил его остаться на посту и поддерживать связь со Смольным.

— Мне кажется, что было бы неумно так резко оборвать с ними отношения, — сказал Фрэнсис. — К тому же, я хочу знать, что они делают, а от неприятностей я вас огражу.

Робинс не знал, что Фрэнсис стремится собрать как можно больше сведений о советском правительстве, которые были ему нужны для особых целей.

5. Тайная дипломатия

2 декабря 1917 г. Фрэнсис послал в Вашингтон первое секретное сообщение о деятельности атамана донских казаков генерала Алексея Каледина. Фрэнсис назвал его «командующим казачьими частями, насчитывающими 200 тыс. казаков». Генерал Каледин организовал на юге России белую контрреволюционную казачью армию, провозгласил «независимость Донской области» и готовился идти на Москву, чтобы свергнуть советскую власть. Группы офицеров царской армии вели для Каледина шпионскую работу в Петрограде и в Москве и поддерживали связь с Фрэнсисом.

Через несколько дней американский генеральный консул в Москве Мэддин Саммерс по просьбе Фрэнсиса послал в государ-

ственный департамент более подробные сведения о численности войск Каледина. Саммерс, женатый на дочери богатого русского дворянина, был настроен к советскому режиму еще более враждебно, чем Фрэнсис. В его сообщении говорилось, что Каледин уже объединил под своим знаменем все «честные» и «лояльные» элементы южной России.

Государственный секретарь Лансинг в телеграмме американскому послу в Лондоне дал указание тайно предоставить Каледину заем, используя для посредничества английское либо французское правительство.

«Вы, конечно, понимаете, — добавлял Лансинг, — что следует действовать без промедления и внушить тем, с кем вы будете разговаривать, необходимость держать в тайне сочувствие, а тем более финансовую помощь Соединенных Штатов движению Каледина».

Фрэнсису предлагалось также соблюдать величайшую осторожность в сношениях с петроградскими агентами Каледина, чтобы не возбудить подозрений у большевиков.

Однако советское правительство, отлично учитывавшее вероятность интервенции союзников, узнала про этот заговор. В середине декабря советская печать выступила с обвинением американского посла в тайных сношениях с Калединым. Фрэнсис заявил, что знать не знает казачьего атамана.

«Я даю для печати заявление, — телеграфировал он Лансингу 22 декабря, — категорически отрицаю связь или осведомленность о движении Каледина, ссылаюсь на ваши определенные повторные указания не вмешиваться во внутренние дела, утверждаю, что следовал им в точности».

Советское правительство, изолированное враждебностью союзников и слишком слабое, чтобы один на один бороться с немецкой военной машиной, было вынуждено защищаться всеми возможными средствами. Ближайшую угрозу для него представляла Германия.

Чтобы спасти новую Россию и выиграть время для проведения самой необходимой реорганизации и для создания Красной армии, Ленин предложил немедленно заключить мир на германском фронте.

— Мир придется все равно заключать, — сказал Ленин своим соратникам, подвергнув подробному обсуждению плачевное состояние русского транспорта, промышленности и армии. —

Нам необходимо упрочиться, а для этого нужно время... Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим.

По настоянию Ленина советская делегация спешно выехала в Брест-Литовск, в ставку восточной группы германской армии, чтобы ознакомиться с германскими условиями мира.

23 декабря 1917 г., на следующий день после первого заседания предварительной мирной конференции в Брест-Литовске, представители Англии и Франции встретились в Париже и тайно сговорились расчленить Советскую Россию. Соглашение их называлось «L'accord Franco-Anglais du 23 decembre 1917, definissant les zones d'action francaises et anglaises»⁴.

Условия его гласили, что Англия получает в России «зону влияния», дающую ей кавказскую нефть и контроль над Прибалтикой; Франция — тоже «зону», дающую ей железо и уголь Донбасса и контроль над Крымом.

Этот тайный англо-французский договор лег в основу политики, которую Франция и Англия проводили в отношении России в течение нескольких последующих лет.

ГЛАВА II. ЗА И ПРОТИВ

1. *Английский агент*

В морозную ночь 18 января 1918 г. красивый молодой шотландец в меховой шубе пробирался при свете фонарика по полуразрушенному мосту между Финляндией и Россией. Финляндия была охвачена гражданской войной; железнодорожное движение по мосту прекратилось. Красное финское правительство дало молодому шотландцу охрану, чтобы переправить его с вещами на советскую сторону, где стоял поезд, готовый отвезти его в Петроград. Этот ночной путник был Р.Х. Брюс Локкарт, специальный уполномоченный английского военного кабинета.

Брюс Локкарт окончил в Англии аристократическое закрытое учебное заведение и двадцати четырех лет начал дипломатическую карьеру. Он был умен и хорош собой и скоро создал себе имя одного из самых талантливых и многообещающих молодых сотрудников английского министерства иностранных дел. Тридцати лет он был назначен английским вице-консулом в Москву. Он хорошо говорил по-русски, разбирался и в русской по-

литике, и в русских интригах. В Лондон он был отозван ровно за шесть недель до Октябрьской революции.

Теперь его снова направляли в Россию по личной просьбе премьер-министра Ллойд Джорджа, на которого произвело сильное впечатление то, что рассказал ему о России возвратившийся на родину, в США, полковник Томпсон. Бывший начальник Робинса горячо осуждал нежелание союзников признать советское правительство. После беседы Томпсона с Ллойд Джорджем Локкарта решили послать в Россию для установления хотя бы каких-то фактических отношений, не обязывающих к признанию Советов.

Но красивый шотландец был также и агентом английской дипломатической разведки. Его неофициальное задание состояло в том, чтобы использовать в интересах Англии оппозицию, уже наметившуюся внутри советского правительства...

Антиленинскую оппозицию возглавлял честолюбивый народный комиссар иностранных дел Лев Троцкий, мнивший себя будущим преемником Ленина. Четырнадцать лет Троцкий ожесточенно боролся против большевиков; потом, в августе 1917 г., за несколько месяцев до революции, он присоединился к партии Ленина, вместе с нею пришел к власти и теперь сколачивал внутри партии «левую оппозицию».

В начале 1918 г., когда Локкарт прибыл в Петроград, Троцкий находился в Брест-Литовске в качестве председателя советской делегации.

Направляя Троцкого в Брест-Литовск, Ленин дал ему прямую директиву — подписать мир. Вместо этого Троцкий стал обращаться к пролетариям европейских стран с зажигательными речами, призывая их к восстанию и свержению своих правительств. Советское правительство, заявлял он, ни в коем случае не заключит мира с буржуазными правительствами. Троцкий кричал: «Ни мира, ни войны!» Он заявил немцам, что русская армия больше не может воевать и демобилизация ее продолжается, но подписать мир отказался.

Ленин резко критиковал поведение Троцкого в Брест-Литовске, а его предложение — «прекращение войны, отказ от подписания мира и демобилизация армии» — назвал безумием, если не хуже.

Много позже Локкарт рассказал в своих мемуарах «Английский агент», что английское министерство иностранных дел живо

интересовалось этими «разногласиями между Лениным и Троцким, разногласиями, на которые наше правительство возлагало большие надежды»⁵.

В результате поведения Троцкого мирные переговоры в Брест-Литовске были сорваны. Германское верховное командование с самого начала неохотно шло на переговоры с большевиками. По словам Ленина, Троцкий сыграл на руку немцам и на деле помог германским империалистам. Во время одного из выступлений Троцкого в Бресте немецкий генерал Макс Гофман положил ноги на стол конференции и велел советским делегатам отправляться домой.

Троцкий вернулся в Петроград и в ответ на упреки Ленина воскликнул: «Немцы не посмеют наступать!» Через десять дней после прекращения мирных переговоров германское верховное командование предприняло большое наступление по всему Восточному фронту от Балтийского до Черного моря. На юге немецкие полчища хлынули на Украину. В центре наступление было направлено через Польшу на Москву. На севере пала Нарва и оказался под угрозой Петроград. На всем протяжении фронта остатки старой русской армии рассыпались и таяли.

Над новой Россией нависла смертельная опасность.

Вооруженные рабочие и красногвардейцы, спешно мобилизованные большевистским руководством, покидали города и шли на запад, чтобы остановить немецкое наступление. Первые соединения новой Красной армии вступили в бой. 23 февраля немцев задержали у Пскова. На время Петроград был спасен.

В Брест-Литовск срочно выехала вторая советская делегация, на этот раз без Троцкого.

Теперь Германия поставила более тяжелые условия: она потребовала передачи под ее власть Украины, Финляндии, Польши, Кавказа и огромной контрибуции русским золотом, пшеницей, нефтью, углем и минеральными богатствами.

Когда были объявлены эти условия мира, по советской стране прокатилась волна возмущения германскими империалистскими разбойниками. По словам Ленина, германское верховное командование надеялось с помощью этого разбойничьего мира расчленив Советскую республику и покончить с советской властью.

Брюс Локкарт держался того мнения, что в создавшейся обстановке единственной разумной линией поведения союзников будет поддержка России против Германии. Советское правитель-

ство не пыталось скрывать, что оно с большой неохотой идет на ратификацию Брестского договора. По словам Локкарта, большевиков, по существу, интересовало, что предпримут союзники. Признают ли они советское правительство, придут ли ему на помощь, или допустят, чтобы Германия навязала России разбойничий мир?

Сперва Локкарт склонялся к мысли, что в интересах Англии было бы вступить в сделку с Троцким против Ленина. Троцкий пытался организовать внутри большевистской партии то, что Локкарт назвал «блоком священной войны», с целью получить поддержку союзников и отстранить Ленина от власти.

В своей книге «Английский агент» Локкарт рассказывает, что он установил с Троцким личную связь, как только тот вернулся из Брест-Литовска. Троцкий дал ему двухчасовую аудиенцию в своем кабинете в Смольном. В тот же вечер Локкарт записал в дневнике свое впечатление от Троцкого: «По-моему, это человек, который с радостью отдал бы жизнь в борьбе за Россию, если бы достаточно зрителей любовалось им в эту минуту».

Английский агент и советский комиссар скоро подружились. Локкарт запросто называл Троцкого «Лев Давыдович» и, как он признался впоследствии, «мечтал устроить вместе с Троцким грандиозный путч». Но затем Локкарт волей-неволей пришел к заключению, что заменить Ленина Троцкий не в силах. В «Английском агенте» он писал:

Троцкий был так же не способен равняться с Лениным, как блоха со слоном.

Если в России вообще возможно что-нибудь сделать, то только через Ленина. С этим выводом Локкарта, как выяснилось, был согласен и Робинс.

«Лично я, — говорил Робинс, — никогда не был уверен в Троцком, никогда не мог сказать, как он поступит, где окажется при тех или иных обстоятельствах, — он очень носился со своей личностью, и очень уж эта самая личность была самонадеянна».

Локкарт познакомился с Робинсом вскоре после приезда в Петроград. Смелый подход американца к русской проблеме произвел на него впечатление. Робинса раздражали доводы, приводившиеся союзниками против признания Советов. Он издевался над нелепой теорией агентов царизма, будто большевики хотят победы Германии. Он очень красноречиво описывал Локкарту

ужасающие условия жизни в старой России и тот поразительный подъем, который страна переживала под руководством большевиков.

Чтобы дополнить картину. Робинс повез Локкарта в Смольный — посмотреть новую систему в действии. На обратном пути по засыпаемому мягким снежком городу Робинс с горечью заметил, что посольства союзников, пускаясь в тайные интриги против советского правительства, этим лишь поддерживают интересы Германии в России. Советская власть в стране останется, и чем скорее союзники это осознают, тем лучше.

Робинс предупредил Локкарта, что от других представителей союзников и от тайных агентов он услышит совсем иную версию, и что эти лица будут подкреплять свои доводы всевозможными документами. «В России сейчас больше фальшивок, чем когда-либо и где-либо», — сказал Робинс. Имелись даже документы, доказывающие, что сам Робинс — большевик и что он в то же время тайно добивается русских торговых концессий для Уолл-стрит.

Вскоре Локкарт и Робинс стали почти неразлучны. Каждое утро они вместе завтракали и обсуждали план действий на предстоящий день. Общей их целью было убедить свои правительства в необходимости признать Советскую Россию и тем предотвратить победу Германии на Восточном фронте⁶.

2. «Час атаки»

К началу весны 1918 г. обстановка вокруг Советской республики сложилась следующим образом: Германия готовилась силой свергнуть советское правительство в случае, если бы русские отказались ратифицировать Брестский мир; Англия и Франция тайно оказывали поддержку силам контрреволюции, которые стягивались в Архангельске, в Мурманске и на Дону; японцы, с одобрения союзников, готовились к захвату Владивостока и вторжению в Сибирь...

В беседе с Локкартом Ленин сказал, что ввиду возможного нападения немцев на Петроград советское правительство переедет в Москву. Большевики твердо решили бороться, даже если бы им пришлось отступить до Волги и Урала. Но бороться они будут так, как сами считают нужным. Они не допустят, чтобы союзники сделали их своим орудием. Если бы союзники поняли это, сказал Ленин Локкарту, это явилось бы наилучшей основой для

сотрудничества. Советская Россия крайне нуждается в помощи для сопротивления немцам.

— Но я твердо убежден, — прибавил Ленин с сарказмом, — что ваше правительство никогда не усвоит такого взгляда на вещи. Это реакционное правительство. Оно будет сотрудничать с русскими реакционерами.

Краткое содержание этой беседы Локкарт сообщил телеграммой английскому министерству иностранных дел. Через несколько дней он получил из Лондона зашифрованную депешу. Он быстро расшифровал и прочел ее. В депеше излагалась точка зрения «военного эксперта», заявившего, что России требуется одно — «небольшая, но решительная группа английских офицеров», чтобы возглавить «лояльных русских», которые быстро покончат с большевизмом. Американский посол Фрэнсис 23 февраля писал своему сыну:

«Я думаю пробыть в России как можно дольше. Если будет заключен сепаратный мир, а вероятно, так оно и будет, мне не грозит опасность быть захваченным немцами. Однако такой сепаратный мир явится жестоким ударом для союзников, и если какая-нибудь часть России откажется признать право большевистского правительства заключить такой мир, я постараюсь перебраться туда и оказать поддержку восстанию».

Вскоре после отправки этого письма Фрэнсис переехал в Вологду, где уже находился французский посол Нуланс и ряд других союзнических дипломатов. Было ясно, что правительства союзников приняли решение ни в какой форме не сотрудничать с Советской республикой. Робинс имел беседу с Троцким, который, публично признав, что допустил «ошибку», когда не выполнил указаний Ленина в Брест-Литовске, старался теперь реабилитировать себя в глазах Ленина.

— Вы хотите помешать ратификации Брестского договора? — спросил Троцкий Робинса.

— Разумеется, — ответил Робинс. — Но за нее стоит Ленин, а ведь признайтесь, комиссар, что все решает Ленин.

— Вы ошибаетесь, — сказал Троцкий. — Ленин понимает, как серьезна угроза германского наступления. Если он сможет получить помощь от союзников, он откажется от Брестского мира, если нужно — отступит и от Петрограда и от Москвы к Екатеринбургу, закрепится на Урале, а оттуда будет с помощью союзников воевать против немцев.

По настоятельной просьбе Робинса, Ленин согласился написать правительству Соединенных Штатов официальную ноту. Он мало надеялся на благоприятный ответ, но был готов попытаться.

Эта нота была вручена Робинсу для передачи правительству США. В ней говорилось:

В случае, если (а) Всероссийский Съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией или (б) если германское правительство нарушит мирный договор и возобновит свое разбойничье нападение, то:

1. Может ли советское правительство рассчитывать на поддержку Соединенных Штатов Северной Америки, Великобритании и Франции в своей борьбе против Германии?

2. Какого рода помощь может быть предоставлена в ближайшем будущем, и на каких условиях военное имущество, транспортные средства, предметы первой необходимости?

3. Какого рода помощь могли бы оказать, в частности, Соединенные Штаты?..⁷

Всероссийский Съезд Советов должен был собраться 12 марта для обсуждения вопроса о ратификации Брестского договора.

5 марта 1918 г. Локкарт отправил английскому министерству иностранных дел последнюю, умоляющую телеграмму о необходимости признать советское правительство.

«Еще ни разу с начала революции обстановка в России не была столь благоприятна для союзников, и этому способствовали те вопиющие условия мира, которые немцы навязали русским... Если правительство Его Величества не хочет немецкого господства в России, я просто умоляю вас не упускать этой возможности». Ответа из Лондона не последовало, пришло только письмо от жены Локкарта, в котором она просила его быть осторожнее и предупреждала, что в министерстве иностранных дел распространяются слухи, будто он стал «красным»...

14 марта Всероссийский Съезд Советов открылся в Москве. Два дня и две ночи делегаты обсуждали вопрос о ратификации Брестского договора. Сторонники Троцкого не жалели сил, пытаясь нажать политический капитал на этом непопулярном договоре; но сам Троцкий, по словам Робинса, «дулся и не пожелал приехать из Петрограда».

На второй день Съезда, за час до полуночи, Ленин подозвал к себе Робинса, сидевшего на ступеньке около трибуны.

— Что вам ответило ваше правительство?

— Ничего!

— А Локкарту?

— Ничего!

Ленин пожал плечами.

— Сейчас я беру слово, — сказал он Робинсу. — Я буду выступать за ратификацию договора. Он будет ратифицирован.

Речь Ленина длилась час. Он не пытался скрыть, что Брестский мир — тяжелое испытание для России. Терпеливо и последовательно он доказывал, что советскому правительству, изолированному и со всех сторон окруженному опасностями, необходимо любой ценой добиться передышки.

Брестский договор был ратифицирован.

Резолюция съезда гласила:

Съезд утверждает (ратифицирует) мирный договор, заключенный нашими представителями в Брест-Литовске 3 марта 1918 года.

Съезд признает правильным образ действий Ц.И.К. и Совета народных комиссаров, постановивших заключить данный, невероятно тяжелый, насильственный и унижительный мир, ввиду неимения нами армии и крайнего истощения войною сил народа, получившего от буржуазии и буржуазной интеллигенции не поддержку в его действиях, а корыстно-классовое использование их.

3. Конец миссии

Посол Фрэнсис 2 мая телеграфировал в государственный департамент США: «Робинс, а вероятно и Локкарт, добиваются признания советского правительства, но вы и все союзники неизменно противились признанию. Я также упорно высказывался против и не считаю, что это было ошибкой».

Через несколько недель Робинс получил телеграмму от государственного секретаря Лансинга: «При всех обстоятельствах считаю желательным ваше возвращение для личной беседы».

По дороге во Владивосток, где он должен был сесть на пароход, Робинс получил из государственного департамента три телеграммы. Все они содержали один и тот же приказ: воздержаться от каких бы то ни было публичных выступлений.

Возвратившись в Вашингтон, Робинс представил Лансингу доклад, в котором резко осуждал идею военной интервенции

союзников в Советской России. К своему докладу Робинс приложил подробную программу развития русско-американских торговых отношений. Ленин передал эту программу Робинсу перед самым отъездом его из Москвы. Она предназначалась для президента Вильсона. Вильсон так и не увидел этой программы. Робинс сам пытался попасть к президенту, но безуспешно. Он повсюду натывался на рогатки. Он пробовал выступить в прессе. Газеты либо не принимали его материала, либо искажали его...

Робинс был вынужден предстать перед сенатской комиссией по расследованию «большевизма» и «немецкой пропаганды».

«Если я говорил правду, не лгал и не клеветал на людей, не называл их немецкими агентами, ворами, убийцами, злостными преступниками, это не значит, что я большевик! — заявил Робинс. — Но из всех представителей союзников в России никто не видел и не знает столько, сколько я, и я старался трезво смотреть на вещи. Я хочу говорить правду о людях и о политических движениях, без волнения и без злобы, даже если я с ними и не согласен... По мне пусть русские сами выбирают себе систему правления, независимо от того, совместима ли она с моими принципами... Нам прежде всего важно знать, что именно произошло в России, и мы и наша страна должны отнестись к ней честно и справедливо, без предвзятости и предубеждения... Пытаться победить идеи штыками — безнадежное дело... Единственный ответ на стремление к лучшей жизни — это лучшая жизнь».

Но честный голос Робинса потонул в нараставшем вихре клеветы и дезинформации.

Летом 1918 г., хотя Соединенные Штаты воевали не с Россией, а с Германией, «Нью-Йорк таймс» уже писала, что большевики — «наши злейшие враги».

Посол Фрэнсис пробыл в России до июля 1918 г. Время от времени он выступал с заявлениями и прокламациями, призывая русских к свержению советского правительства. Перед самым его отъездом в США Чичерин, новый комиссар иностранных дел, послал на его имя телеграмму — приветствие американскому народу. Впоследствии Фрэнсис рассказывал, как он поступил с посланием Чичерина. «Очевидно, эта телеграмма предназначалась для американских пацифистов, — вспоминал бывший посол в своей книге «Россия из окна американского посольства», — и я просто не передал ее, опасаясь, как бы государственный департамент ее не обнаружил».

Брюс Локкарт остался в России. «Мне следовало бы подать в отставку и вернуться домой», — говорил он впоследствии. Но вместо этого он продолжал работать агентом. В своих мемуарах он признается: «Не успел я опомниться, как оказался втянутым в движение, которое, какова бы ни была его первоначальная цель, теперь было направлено не против Германии, а против фактического правительства России».

ГЛАВА III. ОБЕР-ШПИОН

1. Появление господина Массино

Страшен был в 1918 г. революционный Петроград, осажденный внешними врагами и подрываемый изнутри контрреволюционными заговорами. Не хватало продовольствия, топлива, транспорта. Плохо одетые люди дрожали от холода в бесконечных хлебных очередях на пронизанных ветром неметеных улицах. По ночам в городе стреляли. Банды грабителей держали в страхе население⁸. Отряды вооруженных рабочих обходили дома, искали у спекулянтов спрятанные запасы продовольствия, устраивали облавы на грабителей и бандитов.

Советское правительство еще не вполне овладело положением. Остатки старорежимной роскоши являли уродливый контраст с нищетой масс. Продолжали выходить антисоветские газеты, ежедневно предсказывавшие неминуемый конец советского строя. Еще были открыты дорогие рестораны и отели, где толпилась нарядная публика. Процветали ночные кабаре. Люди пили и танцевали, а за столиками ресторанов царские офицеры, балерины, крупные спекулянты и их любовницы шепотом передавали друг другу захватывающие новости: «Немцы идут на Москву! Троцкий арестовал Ленина!» Безумные надежды и вымыслы рождались под хлопанье пробок: водка лилась рекой. Множились интриги.

В ту весну в Петрограде появился некий господин Массино. Он называл себя «турецким коммерсантом». Это был бледный, длиннолицый, хмурый человек лет сорока с лишним, с высоким покатым лбом, беспокойным взглядом и чувственными губами. Держался он очень прямо, по-военному, отличался быстрой, почти бесшумной походкой. По всем признакам, он был богат; он нравился женщинам. В напряженной атмосфере советской сто-

лицы господин Массино с невозмутимым апломбом занимался своими делами.

По вечерам он часто заглядывал в ресторан Палкина — любимое убежище антисоветских элементов. Хозяин ресторана Сергей Палкин почтительно приветствовал его. В маленькой душевной комнате позади зала господин Массино встречался с таинственными мужчинами и женщинами и тихо беседовал с ними. Одни говорили с ним по-русски, другие по-французски или по-английски. Господин Массино владел многими языками...

Молодое советское правительство прилагало все усилия, чтобы из хаоса создать порядок. Его огромные организационные задачи усложняла постоянная смертельная угроза контрреволюции. «Буржуазия, помещики и все богатые классы напрягают отчаянные усилия для подрыва революции», — писал Ленин. По его указанию была создана особая организация по борьбе с вредительством и шпионажем, с внешними и внутренними врагами — Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, сокращенно — ЧК.

Когда весной 1918 г. советское правительство, опасаясь немецкого наступления, переехало в Москву, господин Массино двинулся за ним следом. Но в Москве томный богатый восточный купец преобразился. Теперь он ходил в кепке и кожаной куртке. Он бывал в Кремле. Когда у ворот его останавливал комсомолец-латыш из личной охраны правительства, господин Массино предъявлял ему советский документ на имя Сиднея Георгиевича Релинского, агента уголовного отдела петроградской ЧК.

«Проходите, товарищ Релинский!» — говорил латыш-часовой.

В другом районе Москвы, в роскошно обставленной квартире известной балерины Дагмары К., господин Массино, он же товарищ Релинский из ЧК, фигурировал как мосье Константин, агент английской разведки.

Кто он был — о том знал сотрудник английского посольства Брюс Локкарт: «Сидней Рейли — таинственная фигура английской агентурной разведки, заслуживший репутацию лучшего в Англии шпиона».

2. Сидней Рейли

Среди авантюристов из политических подонков царской России, всплывших на поверхность во время первой мировой войны и примкнувших к «крестовому походу» против большевизма,

не было фигуры более колоритной и своеобразной, чем капитан Сидней Джордж Рейли из английской разведки. «Человек наполеоновского склада!» — восклицает, вспоминая о нем, Брюс Локкарт, которого Рейли втянул в одну из самых рискованных и фантастических авантур в истории Европы.

Как и когда Рейли начал работать в английской разведке, остается одной из многих тайн этой таинственной и мощной организации шпионажа. Сидней Рейли родился в царской России. Его отец был ирландский капитан, мать — русская, и вырос он на Черном море, в Одессе. До первой мировой войны он служил в Петербурге, в крупном концерне по изготовлению военно-морского оружия Мандроновича и графа Шуберского. Уже тогда работа его носила весьма конфиденциальный характер. Через него поддерживалась связь названной русской фирмы с рядом промышленных и финансовых предприятий в Германии, в том числе с знаменитыми гамбургскими судостроительными заводами Блюма и Фосса. Перед самой войной в английское адмиралтейство в Лондоне стали регулярно поступать ценные сведения о германской программе строительства судов и подводных лодок. Поставлял эти сведения Сидней Рейли.

В 1914 г. Рейли очутился в Японии в качестве «доверенного представителя» Русско-азиатского банка. Из Японии он переправился в Соединенные Штаты, где беседовал с американскими банкирами и владельцами военных заводов. В досье английской агентурной разведки Рейли уже числился под условным именем «I Эсти» и зарекомендовал себя как весьма смелый и находчивый агент.

Рейли свободно владел семью языками и вскоре его отозвали из Соединенных Штатов, чтобы послать с важным заданием в Европу. В 1916 г. он перешел швейцарскую границу и оказался в Германии. Под видом офицера немецкого военно-морского флота он проник в германское адмиралтейство. Он достал и переправил в Лондон официальный код германской военно-морской разведки. Это было едва ли не самым блестящим образцом разведывательной работы в первую мировую войну...

В начале 1918 г. капитана Рейли перевели в Россию начальником английской разведки в этой стране. Трудно было бы найти на этот пост более подходящего человека. Рейли имел в России множество знакомых и обширные деловые связи, он был

своим человеком в русских контрреволюционных кругах. Для самого Рейли назначение в Россию было важно и по личным причинам: его снедала люта я ненависть к большевикам и русской революции вообще. Он не скрывал своих контрреволюционных взглядов:

«Немцы — это люди. Можно даже допустить, чтобы они нас победили. А здесь, в Москве, растет и крепнет самый страшный враг рода человеческого. Если цивилизация не успеет задушить это чудовище, пока еще не поздно, то чудовище, в конце концов одолеет цивилизацию».

В своих донесениях штабу английской разведки в Лондоне Рейли упорно советовал немедленно заключить с Германией мир и войти в союз с кайзером против большевистской угрозы.

«Любой ценой, — заявлял он, — нужно истребить эту заразу, которая завелась в России. Мир с Германией, да, мир с кем угодно! Есть только один враг. Все человечество должно объединиться в священный союз против этого чудовища!»

Сразу же по приезде в Россию Рейли окунулся в антисоветскую деятельность.

Он поставил себе целью свергнуть советское правительство⁹.

3. Деньги и кровь

Численно самой сильной антибольшевистской политической партией в России в 1918 г. были эсеры, проповедовавшие разновидность аграрного социализма. Под руководством Бориса Савинкова, товарища министра в кабинете Керенского и участника неудавшегося корниловского мятежа, воинствующие эсеры стали главными носителями антибольшевистских настроений. Своими экстремистскими методами и пропагандой они привлекли на свою сторону анархистские элементы, которых породил в России многовековой гнет царизма. Эсеры уже давно использовали террор в борьбе против царской власти. Теперь они готовились обратить это оружие против большевиков.

Эсеры получали денежную помощь от французской разведки. На средства, лично переданные ему французским послом Нулансом, Борис Савинков, восстановил в Москве старый террористический центр эсеров, назвав его «Союз возрождения России».

В его задачи входила подготовка убийства Ленина и других советских вождей. По совету Сиднея Рейли, английская разведка тоже стала снабжать Савинкова деньгами для обучения и вооружения его террористов.

Но Рейли как яркий монархист не доверял эсерам в вопросе образования нового русского правительства на смену советскому. На Савинкова Рейли вполне полагался, но левые эсеры представлялись ему опасными, как слишком радикальная группа. Было известно, что некоторые из них связаны с троцкистской оппозицией, Рейли был готов использовать этих людей в своих целях, но в то же время он был полон решимости уничтожить в России все радикальные течения. Первым необходимым этапом на пути к восстановлению монархии он считал военную диктатуру. Не переставая финансировать и поощрять террористов-эсеров и другие «левые» антисоветские элементы, он начал тщательно подбирать людей в свою собственную конспиративную группу. Позже он описал систему ее работы в своих мемуарах:

Было очень важно, чтобы моя русская организация знала не слишком много и чтобы ни одна часть ее не могла выдать другую. Поэтому я остановился на системе «пятерок», при которой каждому участнику известны только четыре лица. Я сам, находясь на вершине пирамиды, знал их всех, вернее, не их самих, а их фамилии и адреса, и впоследствии эти сведения мне оченьгодились... Таким образом, в случае провала одной группы, организация в целом не могла быть обнаружена.

Организация Рейли, завязавшая сношения и с Союзом царских офицеров, и с остатками царской охраны, и с террористами Савинкова, и с другими контрреволюционными элементами, быстро разрасталась в Москве и в Петрограде. Рейли привлек в нее многих своих дореволюционных знакомых, которые оказались ему очень полезны. Среди них были: граф Шуберский — промышленник, в свое время использовавший Рейли для связи с германскими верфями; царский генерал Юденич; владелец одного из петроградских ресторанов Сергей Палкин; балерина Дагмара, квартира которой служила Рейли его московским штабом; Грамматиков — богатый адвокат, бывший секретный агент охраны, теперь служивший Рейли для связи с эсерами, и Вячеслав Орловский, Тоже бывший агент охраны, сумевший обратиться на

работу в петроградскую ЧК, от которого Рейли и получил подложное удостоверение на имя сотрудника ЧК Сиднея Георгиевича Релинского, позволявшее ему свободно разъезжать по Советской стране.

Эти и другие агенты, проникавшие даже в Кремль и в генеральный штаб Красной армии, держали Рейли в курсе всех мероприятий советского правительства. Английский шпион хвалился, что запечатанные приказы по Красной армии «известны в Лондоне раньше, чем их вскрывают в Москве».

В московской квартире балерины Дагмары хранились крупные суммы денег, нужные Рейли для его операций и иногда достигавшие нескольких миллионов рублей. Частью он черпал средства из ресурсов английского посольства. Брюс Локкарт собирал деньги и пересылал их ему через капитана Хикса, агента английской разведки. Локкарт, которого Рейли втянул в эту работу, рассказал в своей книге, как собирались эти средства.

Множество русских имели скрытые запасы денег. Они с радостью отдавали их, так как в обмен получали векселя на лондонские банки. Чтобы не возбудить подозрений, мы действовали через одну английскую фирму в Москве. Там принимали русских, устанавливали курс и выдавали векселя. Для каждой сделки мы давали этой английской фирме официальную гарантию, что расчет по ней будет произведен в Лондоне. Деньги доставлялись в американское генеральное консульство и вручались Хиксу, а он передавал их по назначению.

Рейли ничего не упускал из вида, он даже наметил подробный состав правительства, которое должно было взять в свои руки власть немедленно по свержении Советов. Видное место в нем уделялось его личным друзьям.

Все было предусмотрено для образования временного правительства. Мой близкий друг и союзник Грамматиков должен был стать министром внутренних дел и руководить полицией и финансами. Шуберский, мой давний друг и деловой знакомый, глава одной из крупнейших в России торговых фирм, должен был стать министром путей сообщения. Юденич, Шуберский и Грамматиков — вот предполагавшийся состав временного правительства, которому предстояло подавить анархию, почти неизбежную после такого переворота.

Первые удары против Советов нанесли савинковские террористы.

20 июня 1918 г., после митинга у железнодорожников на товарной станции Николаевской ж. д. в Петрограде, был убит эсером-террористом Володарский, комиссар печати, пропаганды и агитации. 6 июля последовало убийство германского посла Мирбаха в Москве. Целью эсеров было посеять панику в рядах большевиков и одновременно спровоцировать немецкое наступление, которое, как они считали, решило бы судьбу большевизма¹⁰.

В день убийства германского посла в Большом театре в Москве заседал V Всероссийский Съезд Советов. Наблюдатели от союзников, сидя в золоченых ложах, слушали выступления делегатов съезда. Настроение было напряженное. Как только Брюс Локкарт, сидевший в ложе с группой других иностранных агентов и дипломатов, увидел входившего Сиднея Рейли, он понял, что произошло что-то важное. Английский шпион был бледен и взволнован. Шепотом, торопливо, он сообщил Локкарту о последних событиях.

Выстрел в Мирбаха должен был послужить сигналом к мятежу левых эсеров, поддержанному членами внутривластной оппозиции по всей стране. Вооруженные эсеры должны были ворваться в Большой театр и арестовать делегатов съезда. Но где-то что-то сорвалось. Театр окружен красноармейцами. На улицах стреляют, но ясно, что советское правительство — хозяин положения.

Не переставая говорить, Рейли шарил по карманам в поисках компрометирующих документов. Нашел, разорвал в клочки и проглотил. То же сделал один секретный агент француз, сидевший рядом с Локкартом.

Через несколько часов на сцену поднялся один из ораторов и объявил, что антисоветский мятеж, имевший целью свергнуть советское правительство силой оружия, уже подавлен Красной армией и ЧК. Население не оказало поддержки зачинщикам мятежа. Десятки эсеров-террористов, вооруженных бомбами, винтовками и пулеметами, обнаружены и арестованы. Многие из них убиты. Их главари либо пойманы, либо скрываются, либо бежали.

Представителям союзников было сказано, что они могут спокойно разъехаться по своим посольствам. На улицах — порядок.

Позже стало известно, что мятеж в Ярославле, назначенный на то же время, что и московский мятеж, также был ликвидирован Красной армией. Глава эсеров Борис Савинков, лично руководивший ярославским мятежом, едва не был захвачен, но успел спастись.

Рейли был вне себя от огорчения и досады. Эти безмозглые эсеры, как всегда, поторопились. Однако, заявил он, их основная идея — выступить в момент, когда почти все советские вожди находятся в сборе на каком-нибудь съезде или конференции, — идея эта вполне приемлема. Наполеоновскому воображению Рейли весьма улыбалась перспектива одним махом захватить всех виднейших большевиков...

Теперь он всерьез приступил к подготовке.

4. Латышский заговор

В богатом событиями августе 1918 г. тайные планы союзников относительно интервенции в России перестали быть тайной. 2 августа английские войска высадились в Архангельске якобы с целью «предупредить захват немцами военных материалов». 4 августа англичане захватили Баку. Еще через несколько дней англичане и французы высадили войска во Владивостоке. 12 августа за ними последовала японская дивизия, а 15 и 16 августа — два американских полка, незадолго до этого отведенных с Филиппинских островов.

Обширные районы Сибири уже находились в руках антисоветских войск. На Украине кровопролитную антисоветскую войну вел царский генерал Краснов, поддерживаемый немцами. В Киеве немецкая марионетка гетман Скоропадский организовал массовые избиения евреев и коммунистов.

С севера и юга, с запада и востока враги новой России готовились двигаться на Москву.

Немногие представители союзников, еще остававшиеся в Москве, стали подумывать об отъезде. Советское правительство они не посвящали в свои намерения. Локкарт позднее писал: «Положение было необычайное. Никто не объявлял войны, а между тем бои шли на фронте протяжением от Двины до Кавказа». И дальше: «У меня было несколько споров с Рейли, который решил после нашего отъезда остаться в Москве».

15 августа, в день высадки американского десанта во Владивостоке, Брюс Локкарт принял важного для него посетителя. Эту

сцену он впоследствии описал в своих мемуарах. Локкарт сидел за завтраком в своей квартире неподалеку от английского посольства, когда раздался звонок и горничная доложила, что его желают видеть «два латышских господина». Один из них, пониже ростом, оказался бледным молодым человеком по фамилии Смихтен. Другой — высокий, богатырского сложения, с резкими чертами лица и холодными, как сталь, глазами, отрекомендовался как «полковник» Берзин, начальник охраны Кремля.

Посетители передали Локкарту письмо от капитана Кромби, английского военно-морского атташе в Петрограде, принимавшего весьма активное участие в тайной антисоветской деятельности. «Я всегда опасался провокаторов, — пишет Локкарт, — поэтому я внимательно осмотрел письмо, но оно, несомненно, было от Кромби». Локкарт спросил своих гостей, что им угодно.

Берзин сообщил ему, что латыши, хотя и поддержали большевистскую революцию, не намерены драться против английских войск, только что высадившихся в Архангельске под командованием генерала Пуля, и готовы договориться с английским агентом.

Прежде чем дать им ответ, Локкарт переговорил с французским генеральным консулом Гренаром, который, по словам Локкарта, посоветовал ему вступить в переговоры с Берзиным, избегая, однако, всего, что могло бы «скомпрометировать нас самих». На следующий день Локкарт снова увиделся с Берзиным и вручил ему бумагу, гласившую: «Просьба пропустить предъявителя сего, имеющего важные сведения для генерала Пуля, через английские позиции». Затем Локкарт свел Берзина с Сиднеем Рейли...

«Два дня спустя, — вспоминает Локкарт, — Рейли сообщил, что переговоры проходят гладко и что латыши не намерены идти ко дну вместе с большевиками. Он надеялся с помощью латышей организовать после нашего отъезда контрреволюционное восстание в Москве».

В конце августа 1918 г. небольшая группа представителей союзников собралась на тайное совещание в помещении американского генерального консульства в Москве. Место это было выбрано потому, что все другие иностранные представительства находились под строгим наблюдением советских властей. Несмотря на американские десанты на Дальнем Востоке, советское правительство еще сохраняло дружеские отношения к Соеди-

ненным Штатам. По Москве был расклеен текст «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона. «Известия» писали в передовой, что только американцы прилично относятся к большевикам. Наследство Рэймонда Робинса еще не было до конца растрачено.

На сборище в американском генеральном консульстве председательствовал французский консул Гренар. Англичан представляли Рейли и капитан Джордж Хилл, офицер английской разведки, имевший задание работать с Рейли. Присутствовало еще много дипломатов и агентов и среди них — французский журналист Ренэ Маршан, состоявший московским корреспондентом парижской «Фигаро». Сидней Рейли сам пишет в своих мемуарах, что он созвал это совещание, чтобы доложить о ходе своих антисоветских операций. Он сообщил собравшимся, что «купил полковника Берзина — начальника кремлевской охраны». Полковник назначил цену — два миллиона рублей. Рейли уплатил ему в виде аванса 500 тыс. рублей русскими деньгами, а остальные обязался уплатить в английских фунтах после того как Берзин окажет ему некоторые услуги и проберется к англичанам в Архангельск.

«Сейчас наша, организация необычайно сильна, — заявил Рейли. — Латыши за нас, и народ будет с нами, как только мы нанесем первый удар!»

Затем Рейли сообщил, что 28 августа в Большом театре должно состояться чрезвычайное заседание ЦК партии большевиков. Это значит, что в одном здании соберутся все руководящие деятели Советского государства. План Рейли был дерзок, но прост...

Во время заседания латышская охрана будет, как всегда, выставлена у всех входов и выходов. Полковник Берзин подберет людей, «безусловно надежных и преданных нашему делу». По сигналу Берзина, охрана закроет двери и возьмет на мушку сидящих в зале. А затем «особый отряд», состоящий из самого Рейли и его «доверенных лиц», вскочит на сцену и арестует Центральный Комитет партии большевиков.

Ленин и прочие советские вожди будут расстреляны.

Когда Ленин и его товарищи будут убраны с дороги, советский режим рассыплется, как карточный домик. В Москве, продолжал Рейли, имеется «60 тыс. офицеров, готовых взяться за оружие по первому сигналу» и составить армию, которая нанесет удар в городе, в то время как войска союзников нанесут удар извне. Возглавит эту антисоветскую армию «видный генерал цар-

ской армии Юденич». Вторая армия под командованием «генерала» Савинкова будет сформирована на севере России, и «все, что останется к тому времени от большевиков, будет раздавлено между этими двумя жерновами».

Таков был проект Рейли. Его поддерживали и английская и французская разведки. Англичане держали тесную связь с Юденичем и готовились снабжать его оружием и боеприпасами. Французы помогали Савинкову.

Представителям союзников, собравшимся в американском генеральном консульстве, было предложено оказать заговору содействие путем шпионажа, агитации, организации взрывов важных железнодорожных мостов вокруг Москвы и Петрограда, чтобы отрезать советское правительство от всякой помощи, какую Красная армия могла бы попытаться оказать ему из других районов страны.

День путча приближался. Рейли регулярно виделся с Берзиным и тщательно обсуждал последние подробности заговора, стараясь предусмотреть все случайности. Их приготовления подходили к концу, когда они узнали, что заседание ЦК переносится с 28 августа на 6 сентября. «Это ничего, — сказал Рейли Берзину. — У меня останется больше времени для последних распоряжений». Рейли решил съездить в Петроград, проверить, как там работает его аппарат.

Несколько дней спустя Рейли с поддельным паспортом на имя агента ЧК Сиднея Георгиевича Релинского выехал поездом из Москвы в Петроград.

5. Сидней Рейли уходит со сцены

В Петрограде Рейли первым делом явился с докладом к английскому морскому аташе капитану Кроми в английское посольство. Рейли кратко обрисовал положение в Москве и изложил план путча. «Москва у нас в руках», — сказал он. Кроми был в восторге. Рейли обещал ему написать под ровный доклад для его секретного донесения в Лондон.

На следующее утро Рейли стал разыскивать главных работников своего петроградского аппарата. В полдень он позвонил по телефону бывшему агенту охраны Грамматикову. Голос Грамматикова звучал хрипло, непривычно.

— Кто говорит? — спросил он.

— Это я, Релинский, — сказал Рейли.

— Кто? — переспросил Грамматиков.

Рейли повторил свое вымышленное имя.

— У меня сидит человек, который принес дурные вести, — сказал Грамматиков резко. — Доктора поторопились с операцией. Состояние больного тяжелое. Если хотите меня видеть, приезжайте сейчас же.

Рейли поспешил приехать. Когда он вошел, Грамматиков лихорадочно выбрасывал бумаги из ящиков стола и жег их в камине.

— Дураки! Выступили раньше срока! — воскликнул он. — Убит Урицкий у себя в кабинете сегодня в 11 утра.

Он все рвал и жег свои бумаги.

— Мы страшно рискуем, оставаясь здесь. Я, конечно, уже на подозрении. Если что-нибудь узнают, первым делом влипнем мы с вами.

Рейли позвонил в английское посольство капитану Кроми. Тот уже знал о случившемся: председателя петроградской ЧК Урицкого убил эсер-террорист. У Кроми, впрочем, все было спокойно. Рейли осторожно предложил ему встретиться «в обычном месте». Кроми понял. «Обычным местом» был ресторан Палкина.

Время до свидания Рейли использовал на то, чтобы уничтожить разного рода компрометирующие и ненужные бумаги и надежно спрятать свои шифры и другие документы.

Кроми в ресторан не явился. Рейли решил рискнуть и проехать в английское посольство. Уходя, он шепнул Палкину: «Возможно, что где-то произошла осечка. Будьте готовы уехать из Петрограда и бежать через границу в Финляндию»...

По Владимирскому проспекту бежали люди, ныряя в подъезды и переулки. Слышался рокот моторов. Промчался грузовик с красноармейцами, за ним еще и еще.

Рейли ускорил шаг. Почти бегом он свернул за угол, к английскому посольству и остановился, как вкопанный: перед посольством лежало несколько трупов в форме советской милиции. У подъезда стояли четыре машины, а на другой стороне улицы — двойной кордон красноармейцев. Дверь посольства была сорвана с петель.

— Что, товарищ Релинский, пришли полюбоваться?

Рейли вздрогнул, обернулся и увидел улыбающегося молодого красноармейца, которого несколько раз встречал, когда изображал «товарища Релинского» из ЧК.

— Что тут происходит, товарищ? — спросил он.

— Да ЧК ищет какого-то Сиднея Рейли, — ответил красноармеец.

Позже Рейли узнал обо всем, что случилось. После убийства Урицкого советские власти в Петрограде послали отряд чекистов оцепить английское посольство. На верхнем этаже сотрудники посольства под руководством капитана Кроми жгли компрометирующие их документы. Кроми бросился вниз и захлопнул дверь перед носом советских агентов. Те взломали дверь. Английский шпион встретил их на лестнице, держа в обеих руках по браунингу. Ему удалось застрелить комиссара и еще несколько человек. Агенты ЧК тоже открыли огонь, и капитан Кроми упал с простреленной головой...

Эту ночь Рейли провел на квартире у эсера Сергея Доронского. Утром он послал Доронского на разведку. Тот вернулся и принес номер «Правды». «Теперь кровь польется потоками, — сказал он. — В Москве кто-то стрелял в Ленина». Он протянул газету Рейли. Крупными буквами чернел заголовок о покушении на Ленина.

Накануне вечером, когда Ленин выходил с завода Михельсона, где он выступал на собрании, эсерка Фаня Каплан два раза выстрелила в него в упор. Пули были сточены и отравлены. Одна из них попала Ленину в легкие повыше сердца, другая — в шею, рядом с артерией. Ленин не был убит, но говорили, что жизнь его в опасности.

Револьвер, из которого Каплан стреляла в Ленина, дал ей общник Рейли Борис Савинков. Впоследствии он сам писал об этом в своих «Записках террориста».

Зажав подмышкой надетый через плечо маленький автоматический револьвер — на крайний случай! — Рейли сейчас же выехал поездом в Москву. Утром, на станции Клин, он купил газету. Вести были как нельзя хуже. Газета подробно описывала весь заговор Рейли, включая план убийства Ленина и других советских вождей, захвата Москвы и Петрограда и установления военной диктатуры Савинкова и Юденича.

Рейли читал, и смятение его росло. Ренэ Маршан, французский журналист, присутствовавший на собрании в американском генеральном консульстве, — вот кто сообщил большевикам обо всем, что он там услышал.

Но самое худшее было еще впереди.

Начальник кремлевской охраны полковник Берзин назвал на допросе капитана Сиднея Рейли, английского агента, который предлагал ему взятку в два миллиона рублей, если он вступит с ним в заговор с целью убийства советских вождей. Советские газеты опубликовали и письмо, которое Локкарт дал Берзину для перехода к англичанам в Архангельске.

Локкарта ЧК арестовала в Москве. Многие другие официальные представители и тайные агенты союзников тоже были арестованы и содержались под стражей.

По всей Москве было расклеено описание примет Рейли. Сообщались все его клички — Массино, Константин, Релинский. Власти объявили его вне закона. Нужно было спасаться.

Несмотря на явную опасность, Рейли доехал до Москвы. Он разыскал балерину Дагмару у некой Веры Петровны, сообщницы стрелявшей в Ленина Фани Каплан.

Дагмара рассказала Рейли, что за несколько дней до этого к ней явились с обыском. Ей удалось скрыть часть денег Рейли — два миллиона рублей тысячерублевыми банкнотами. Ее не арестовали, почему — она сама не знала. Может быть, надеялись через нее напасть на след Рейли.

Но с двумя миллионами в кармане Рейли был неуловим. Фигурируя то как купец, то как офицер царской армии, то как советский служащий, то как рядовой партийный работник, он все время переезжал с места на место, ускользая от ЧК.

Однажды он встретил своего бывшего московского помощника, капитана английской разведки Джорджа Хилла, которому тоже пока удавалось избежать ареста. Они сверили списки имен и адресов. Выяснилось, что значительная часть антисоветского аппарата Рейли еще цела. Он почувствовал, что рано терять надежду.

Но капитан Хилл считал, что игра окончена. Он слышал, что советское и английское правительства договариваются об обмене пленными. Русские обещали освободить Локкарта и других в обмен на нескольких советских представителей, в том числе М.М.Литвинова, задержанных властями в Англии.

— Я думаю явиться с повинной, — сказал Хилл. Рейли он советовал тоже так поступить. Но Рейли не желал признать себя побежденным.

— Я возвращусь и без разрешения краснокожих, — сказал он Хиллу и предложил ему держать пари, что через два месяца они встретятся в отеле «Савой» в Лондоне¹¹.

Рейли пробыл в России еще несколько недель, собирая шпионские сведения и давая указания и советы еще не сложившим оружия антисоветским элементам. Затем, несколько раз едва не попавшись, он с поддельным немецким паспортом пробрался в Норвегию, в Берген, а оттуда отплыл в Англию...

В Лондоне Рейли явился к начальству с докладом. Он был полон сожалений об упущенных возможностях. «Если бы Ренэ Мартам не оказался предателем... если бы Берзин не струсил... если бы экспедиционные силы быстро продвинулись к Вологде... если бы я мог связаться с Савинковым...»

Но в одном Рейли не сомневался. Продолжение войны с Германией — ошибка. Следует немедленно прекратить военные действия на Западном фронте и создать коалицию против большевиков.

— Мир, мир, любой ценой, — восклицал капитан Сидней Джордж Рейли, — а потом единый фронт против истинных врагов человечества!

ГЛАВА IV. СИБИРСКАЯ АВАНТЮРА

1. *Aide memoire*¹²

2 августа 1918 г., в день, когда английские войска высадились в Архангельске, генерал-майор армии Соединенных Штатов Вильям С. Гревс, командовавший 8-й дивизией в лагере Фремонт, Пало Альто, штат Калифорния, получил срочную шифрованную телеграмму из Вашингтона. Расшифровав первую фразу, он прочел:

Ни вашим офицерам, ни кому другому не сообщайте о содержании этой депеши.

Далее генералу Гревсу предлагалось «выехать из Сан-Франциско ближайшим и самым скорым поездом в Канзас-сити и там, в Балтимор-отеле встретиться с военным министром».

Причины такого срочного вызова в Канзас-сити не указывались, и нельзя было понять, надолго ли Гревса отзывают с его поста.

Но старый солдат не задает вопросов там, где они явно нежелательны. Генерал Гревс быстро уложил кое-что необходимое в небольшой чемодан, и через два часа экспресс уже уносил его из Сан-Франциско на восток.

В Канзас-сити его ждал на вокзале военный министр Ньютон Д.Бейкер. Он сказал, что очень спешит — через несколько минут отходит его поезд, — и торопливо объяснил генералу, зачем его вызвали на это загадочное свидание. Военный департамент назначает Гревса командующим американскими экспедиционными силами, которые немедленно отправляются в Сибирь.

Затем министр передал генералу Гревсу запечатанный конверт и сказал: «Здесь указано, какую политику Соединенных Штатов вы должны проводить в России. Будьте осторожны: вам придется ходить по яйцам, заряженным динамитом. Прощайте, и да благословит вас бог».

Вечером, оставшись один в номере отеля, генерал Гревс распечатал конверт. Там оказался меморандум на семи страницах под заголовком «Aide memoire». Меморандум был без подписи, но в конце его значилось: «Государственный департамент. Вашингтон. Июля 17, 1918 г.»

Начинался «Aide memoire».с ряда общих мест на тему о том, что «все чаяния американского народа устремлены к победе». Соединенным Штатам, говорилось далее, следует всеми возможными способами «беззаветно сотрудничать» с союзниками против Германии. А затем следовало главное:

После долгого и тщательного обсуждения общего положения в России правительство Соединенных Штатов пришло к твердому и ясному выводу, что военная интервенция не облегчит, а лишь усугубит сложную нынешнюю обстановку в России, не улучшит, а скорее ухудшит ее, и не будет содействовать осуществлению нашей главной цели — добиться победы над Германией. Поэтому правительство не может ни принять участия в такой интервенции, ни дать на нее принципиального согласия.

Это была ясно и четко изложенная позиция, которую генерал Гревс полностью одобрял. Так для чего же его посылают коман-

довать американскими войсками на территории России? В недоумении он продолжал читать:

С точки зрения правительства Соединенных Штатов военные действия в России допустимы только с тем, чтобы помочь чехословакам собраться воедино и приступить к успешному сотрудничеству с их братьями-славянами...

Чехословаки? В России?

«Я лег в постель, — писал генерал Гревс много лет спустя в своей книге «Американская авантюра и Сибири», — но не мог уснуть и все гадал, что предпринимают другие государства и почему мне хотя бы в общих чертах не сообщили о том, что делается в Сибири».

Знай генерал Гревс ответы на вопросы, которые не давали ему уснуть, эта летняя ночь в Канзас-сити прошла бы для него куда более тревожно.

2. Десанты во Владивостоке

При феодальном царском режиме необъятная и сказочно богатая Сибирь в большой мере оставалась неосвоенной. Обширные пространства этой огромной страны, протянувшейся от Урала до Тихого океана и от Афганистана до Арктики, вообще не были заселены. По этой пустыне проходила одноколейная Сибирская железная дорога — единственная линия связи между западом и востоком. Контроль над этой магистралью и узкой полосой земли по обе ее стороны означал контроль над азиатской Россией, то есть над целым континентом, чрезвычайно важным как по его богатствам, так и по стратегическому положению.

В середине лета 1918 г. Рэймонд Робинс, направляясь на восток по Сибирской дороге, видел на запасных путях множество эшелонов с чехословацкими солдатами. Насильно загнанные в австро-венгерскую армию, чехи незадолго до революции стали в огромных количествах переходить к русским. Командование царской армии составило из них чешский корпус, который бок о бок с русскими сражался против австрийцев и немцев. После падения Керенского советское правительство разрешило отправить чешских солдат во Владивосток, где они должны были погрузиться на суда и, обогнув земной шар, влиться в войска союз-

ников на Западном фронте. Более 50 тыс. их находилось в разных пунктах на всем протяжении железной дороги от Казани до Владивостока.

Чешские солдаты верили, что их везут в Европу сражаться за независимость Чехословакии, но их командиры — реакционно настроенные генералы Гайда и Сыровы — мечтали о другом. По сговору с некоторыми государственными деятелями союзных стран они готовились использовать чешских солдат для свержения советской власти.

Соглашение между союзниками и советским правительством предусматривало, что чехи во время следования по советской территории должны сдать оружие советским властям. Но 4 июня 1918 г. посол Дэвид Фрэнсис в частном письме известил своего сына, что попытается «не допустить разоружения чешских солдат», и далее писал:

Если не считать того, что государственный департамент выразил мне одобрение, я не имею от Вашингтона ни указаний, ни полномочий на то, чтобы советовать этим солдатам ослушаться приказа советского правительства. Однако мне и раньше случалось рисковать.

По приказу генералов Гайда и Сыровы чехи отказались сдать оружие и снаряжение советским властям. Мятежи начались одновременно по всей линии Сибирской дороги. Хорошо обученные и оснащенные чешские части захватили ряд городов, свергли местные советы и заменили их антисоветскими властями.

В первую неделю июля генерал Гайда с помощью русских контрреволюционеров осуществил переворот во Владивостоке. На улицах были расклеены прокламации, подписанные адмиралом американского флота Найтом, вице-адмиралом японского флота Като, полковником Понсом из французской миссии и комендантом захваченного города — капитаном чехословацкой армии Бадюррой. Население извещалось, что интервенция союзных держав предпринята «в духе дружественного сочувствия к русскому народу».

22 июля, через пять дней после того, как в государственном департаменте США был составлен «Aide memoire». о необходимости отправки американских войск в Сибирь для содейст-

вия эвакуации чешских войск, американский консул в Москве Де Витт Пуль¹³ послал американскому консулу в Омске шифрованную телеграмму такого содержания:

Можете конфиденциально сообщить чехословацким начальникам, что впредь до новых распоряжений союзники рекомендуют им из политических соображений сохранять ныне занимаемые позиции. С другой стороны, не следует мешать им действовать в связи с военными требованиями обстановки. Желательно, чтобы они в первую очередь добились контроля над Сибирской дорогой, а кроме того, если эти две задачи совместимы, сохранили контроль над территорией, ныне им подчиненной. Доведите до сведения французских представителей, что французский генеральный консул присоединяется к вышеизложенным указаниям.

Союзные державы вторглись в Сибирь летом 1918 г. якобы для спасения чехов от ничем не спровоцированных нападений Красной армии и вооруженных большевиками немецких военнопленных. С начала весны английские, французские и американские газеты пестрили сенсационными сообщениями на тему о том, что большевики вооружают «десятки тысяч немецких и австрийских военнопленных в Сибири» для борьбы с чехами. «Нью-Йорк таймс» писала, что в одном только Томске красные снабдили оружием и боеприпасами 60 тыс. немцев.

С разрешения советских властей в Сибирь для проверки правильности этих обвинений выехали капитан Хикс из английской службы разведки, капитан Уэбстер из американской миссии Красного Креста и майор Дрисдэйль — американский военный атташе в Пекине. После тщательного обследования лагерей, длившегося несколько недель, все трое пришли к одному выводу: вооруженных немецких и австрийских пленных в Сибири нет. Приведенные обвинения, как заявили все три офицера, — сплошной вымысел, имеющий целью вовлечь союзников в интервенцию против Советской России¹⁴.

3 августа 1918 г. во Владивостоке высадились английские войска.

«Мы пришли, — возвестило английское правительство в своем обращении к русскому народу от 8 августа, — чтобы по-

мочь вам спасти вашу страну от расчленения и разорения, которыми вам угрожает Германия... Мы торжественно заверяем вас, что не оставим себе ни пяди вашей территории. Судьба России в руках русского народа. Он, и только он, может выбрать себе форму правления и разрешить свои социальные проблемы».

16 августа высадились первые американские десанты.

«Военные действия в России, — заявлял Вашингтон, — допустимы сейчас лишь для того, чтобы оказать посильную защиту и помощь чехословакам против вооруженных австро-немецких военнопленных, которые нападают на них, а также, чтобы поддержать русских в их стремлении к самоуправлению и самозащите, если сами русские пожелают принять такую помощь».

В том же месяце высадили новые отряды японцы.

«Принимая это решение, — объявляло Токио, — японское правительство по-прежнему исполнено желанием развивать прочные дружественные отношения и остается верным своей политике уважать территориальную целостность России и воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства в ее внутренние дела».

Японское верховное командование заботливо снабдило японских солдат в Сибири русскими словариками, в которых против слова «большевик», объясненного как «барсук», значилось: «подлежит истреблению».

3. Террор на Востоке

1 сентября 1918 г. генерал Гревс прибыл во Владивосток, чтобы взять на себя командование американскими экспедиционными силами в Сибири. «Я сошел с парохода, — писал он впоследствии в своей книге «Американская авантюра в Сибири», — не составив себе никакого мнения о том, что следует и чего не следует делать. Я не был настроен враждебно ни к одной русской группировке и надеялся, что смогу в полном согласии сотрудничать со всеми союзниками».

В обязанности генерала Гревса, изложенные в «Aide memoire», входило: охранять Сибирскую железную дорогу, помогать чехам эвакуироваться из «Владивостока и воздерживаться от вмешательства во внутренние дела России.

Не успел он развернуть свой штаб, как к нему явился начальник чехов генерал Гайда с тем, чтобы сразу же осведомить его от-

носителем положения дел в России. На русских нельзя действовать добротой и убеждением, сказал Гайда, «они понимают только кнут и штык». Чтобы спасти страну от окончательного хаоса, необходимо искоренить большевизм и поставить у власти военного диктатора. Гайда сказал, что на примете уже есть весьма подходящий человек на этот пост: адмирал Александр Васильевич Колчак, бывший офицер царского флота, который прибыл из Японии, чтобы организовать антисоветскую армию, и уже собрал в Сибири довольно большое войско. А пока что генералу Гревсу надлежит помогать чехам и другим антисоветским элементам драться с большевиками.

Затем Гайда представил генералу Гревсу план немедленного похода к Волге и захвата Москвы с востока. Он не скрыл, что этот план уже одобрили его французские и английские советчики, а также представители государственного департамента США.

Генерал Гревс повторил приказ, полученный им от его правительства, и заявил, что намерен выполнить его. Пока он занимает свой пост, ни один американский солдат не будет использован в боях против большевиков или в какой-либо затее, связанной с вмешательством во внутренние дела России...

Разъяренный Гайда выбежал вон. Вскоре к генералу Гревсу явился новый важный посетитель — генерал Нокс, бывший патрон Корнилова, а теперь — командующий английскими войсками в Сибири.

— О вас ходит слава, что вы друг бедных, — предостерег он генерала Гревса. — Разве вы не знаете, что это не люди, а свиньи?

Генерал Гревс отличался тем, что Рэймонд Робинс называл «трезвым умом». Он привык обо всем составлять себе собственное мнение. Поэтому он решил добиться верных сведений о положении в Сибири. Его офицеры службы разведки выехали в ряд районов, и скоро к нему стали поступать подробные донесения. Изучив их, Гревс пришел к следующему выводу:

Слово «большевик», как его понимали в Сибири, относилось к большей части русского народа, а следовательно, использовать против большевиков войска или вооружать, снаряжать, кормить, одевать или снабжать деньгами белогвардейцев, чтобы те с ними воевали, — политика, абсолютно не совместимая с «невмешательством, во внутренние дела России».

К осени 1918 г. количество английских войск в Сибири достигло 7 тыс. Еще 7 тыс. английских и французских офицеров, техников и солдат состояло при Колчаке для помощи в обучении и снаряжении белогвардейской армии. Англичанам и французам помогали 1500 итальянцев. Под командованием генерала Гревса было около 8 тыс. американских солдат. Но больше всего войск имели в Сибири японцы, помышлявшие о полном ее захвате: число их солдат превышало 70 тыс.

В ноябре Колчак с благословения англичан и французоз объявил себя диктатором Сибири. Адмирал — раздражительный человек, о котором один из его коллег писал: «больной ребенок... безусловно неврастеник... вечно под чужим влиянием», — обосновался в Омске и стал именовать себя «верховным правителем России». Бывший царский министр Сазонов, называвший Колчака «русским Вашингтоном», незамедлительно стал его официальным представителем во Франции. В Лондоне и в Париже ему рсточали похвалы. Сэр Самюэль Хор снова объявил во всеулышание, что Колчак — «джентльмен». Уинстон Черчилль утверждал, что Колчак «честен», «неподкупен», «умен» и «патриот». «Нью-Йорк таймс» видела в нем «сильного и честного человека», опирающегося на «прочное и более или менее представительное правительство».

Союзники, а в особенности англичане, щедро снабжали Колчака боеприпасами, оружием и деньгами. «Мы отправили в Сибирь, — гордо сообщал генерал Нокс, — сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни тысяч комплектов обмундирования и пулеметных лент и т. д. Каждая пуля, выпущенная русскими солдатами в большевиков в течение этой года, была изготовлена в Англии, английскими рабочими, из английского сырья и доставлена во Владивосток в английских трюмах».

В России в то время распевали песенку:

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский,
Правитель Омский!

Генерал Гревс не разделял восторга союзников в отношении адмирала Колчака. Каждый день офицеры его разведки снабжа-

ли его новыми сведениями о царстве террора, которое учредил Колчак. В армии адмирала было 100 тыс. солдат, и новые тысячи людей вербовались в нее под угрозой расстрела. Тюрьмы и концентрационные лагеря были набиты до отказа. Сотни русских, осмелившихся не подчиниться новому диктатору, висели на деревьях и телеграфных столбах вдоль Сибирской железной дороги. Многие покоились в общих могилах, которые им приказывали копать перед тем, как колчаковские палачи уничтожали их пулеметным огнем. Убийства и грабежи стали повседневным явлением. Один из помощников Колчака, бывший царский офицер по фамилии Розанов, издал такой приказ:

1. Занимая деревни, ранее занятые бандитами (советскими партизанами), требовать выдачи вожakov движения, а там, где вожakov не удастся найти, но имеется достаточно данных, свидетельствующих о их присутствии, расстреливать каждого десятого жителя.

2. Если при прохождении войск через город население не общит войскам о присутствии противника, взимать денежную контрибуцию без всякой пощады.

3. Деревни, население которых оказывает нашим войскам вооруженное сопротивление, сжигать, а всех взрослых мужчин расстреливать; имущество, дома, телеги и проч. конфисковать для нужд армии.

Рассказывая генералу Гревсу об офицере, издавшем этот приказ, генерал Нокс сказал: «Молодец этот Розанов, ей-богу!»

Наряду с войсками Колчака страну разоряли шайки бандитов, получавших финансовую поддержку от Японии. Главными их вожакими были атаман Григорий Семенов и Калмыков.

Полковник Морроу, командовавший американскими войсками в Забайкальском секторе, сообщил, что в одной деревне, занятой семеновцами, были злодейски убиты все мужчины, женщины и дети. Одних перестреляли, «как зайцев», когда они пытались бежать из своих домов. Других сожгли заживо.

«Солдаты Семенова и Калмыкова, — рассказывает генерал Гревс, — пользуясь покровительством японских войск, рыскали по стране, как дикие звери, грабя и убивая мирных жителей... Всякому, кто задавал вопросы об этих зверских убийствах, отвечали,

что убитые были большевики, и, по-видимому, такое объяснение всех удовлетворяло».

Генерал Гревс не скрывал отвращения, которое вызывали у него злодеяния антисоветских войск в Сибири, чем заслужил враждебное отношение со стороны белогвардейского, английского, французского и японского командования.

Американский посол в Японии Моррис во время своего пребывания в Сибири сообщил генералу Гревсу, что получил из государственного департамента телеграмму о необходимости оказания поддержки Колчаку в связи с американской политикой в Сибири. «Вот видите, генерал, — сказал Моррис, — придется вам поддерживать Колчака».

Гревс ответил, что военный департамент не дал ему никаких указаний насчет поддержки Колчака.

— Этим ведает не военный, а государственный департамент, — сказал Моррис.

— Мною государственный департамент не ведает, — отвечал Гревс.

Агенты Колчака начали против Гревса травлю, чтобы подорвать его престиж и добиться его отозвания из Сибири. Стали распространяться слухи и выдумки, будто Гревс «обольшевичился», а его войска помогают «коммунистам». Пропаганда эта носила и антисемитский характер. Вот типичный образец:

Американские солдаты заражены большевизмом. По большей части это евреи из нью-йоркского Ист-Сайда, которые постоянно затевают беспорядки.

Английский полковник Джон Уорд, член парламента, состоявший при Колчаке политическим советчиком, публично заявил, что при посещении ставки американских экспедиционных сил он обнаружил, что «из шестидесяти офицеров связи и переводчиков более пятидесяти были русскими евреями».

Такого же рода слухи распространяли и некоторые соотечественники Гревса. «Американский консул во Владивостоке, — вспоминает Гревс, — изо дня в день без всяких комментариев передавал по телеграфу в государственный департамент клеветнические, лживые, непристойные статьи об американских войсках, появлявшиеся во владивостокских газетах. Эти статьи, а также поклепы на американские войска, распространявшиеся в

Соединенных Штатах, строились на обвинении в большевизме. Действия американских солдат не давали повода для такого обвинения... но его повторяли сторонники Колчака (и в том числе генеральный консул Харрис) применительно ко всем, кто не оказывал Колчаку поддержки».

В самый разгар клеветнической кампании в штаб генерала Гревса явился посланный от генерала Иванова-Рынова, командовавшего колчаковскими частями в Восточной Сибири. Он сообщил Гревсу, что если тот обязуется ежемесячно давать армии Колчака 20 тыс. долларов, генерал Иванов-Рынов позаботится о том, чтобы агитация против Гревса и его войск прекратилась.

Этот Иванов-Рынов даже среди генералов Колчака выделялся как изверг и садист. В Восточной Сибири его солдаты истребляли все мужское население в деревнях, где, по их подозрениям, укрывали «большевиков». Женщин насиловали и избивали шом-полами. Убивали без разбора — стариков, женщин, детей.

Один молодой американский офицер, посланный расследовать зверства Иванова-Рынова, был так потрясен, что, закончив свой доклад Гревсу, воскликнул: «Ради бога, генерал, не посылайте меня больше с такими поручениями! Еще бы немножко — и я сорвал бы с себя мундир и стал бы спасать этих несчастных».

Когда Иванов-Рынов оказался перед угрозой народного возмущения, английский уполномоченный сэръ Чарльз Эллиот поспешил к Гревсу выразить ему свое беспокойство за судьбу колчаковского генерала.

— По мне, — свирепо ответил ему генерал Гревс, — пусть приведут этого Иванова-Рынова сюда и повесят вон на том телефонном столбе перед моим штабом — ни один американец пальцем не шевельнет, чтобы его спасти!

Гражданская война и интервенция все жарче разгорались в Сибири и по всей России, а тем временем поразительные события произошли в Европе. 4 ноября 1918 г. в Киле немецкие матросы возмутились, перебили своих офицеров и подняли красный флаг. В Германии начались массовые демонстрации с требованием мира. На Западном фронте союзнические и немецкие солдаты выходили из окопов и братались. Германское верховное командование запросило мира. Кайзер Вильгельм II бежал в Голландию и на границе сдал свою шпагу удивленному голландскому пограничнику. 11 ноября было подписано перемирие...

Первая мировая война окончилась.

ГЛАВА V. МИР И ВОЙНА

1. Мир на Западе

Конец первой мировой войны наступил неожиданно. По выражению капитана немецкой армии Эрнста Рема, «разразился мир». В Берлине, Гамбурге и по всей Баварии возникли советы. В Париже, Лондоне и Риме рабочие хлынули на улицы с требованием мира и демократии. Вспыхнула революция в Венгрии. На Балканах назревали крестьянские восстания. После четырех лет жестокой войны у всех на устах был страстный вопль: «No more war! Nie wieder Krieg! Jamais plus de guerre! Долой войну!»

«Вся Европа объята революционным духом, — сообщил Ллойд Джордж Парижской мирной конференции в своем конфиденциальном мартовском меморандуме 1919 г. — Среди рабочих наблюдается не только недовольство, но злоба и возмущение довоенными условиями. Массы населения во всех концах Европы берут под сомнение существующий строй — его политическую, социальную и экономическую основу».

Два имени воплощали в себе чаяния масс и опасения меньшинства: Ленин и Вильсон. На востоке ленинская революция смела царизм и открыла новую эру для угнетенных бесправных масс старой Российской империи. На западе сухо сформулированные «Четырнадцать пунктов» Вудро Вильсона всколыхнули новые демократические надежды.

Когда президент Соединенных Штатов в декабре 1918 г. вступил на залитую кровью землю Европы, ликующие толпы целовали ему руки и бросали к его ногам цветы. Жители Старого Света называли президента Нового Света «королем человечества», «спасителем», «князем мира». В высоком, худощавом профессоре Принстонского университета они видели Мессию, явившегося возвестить им начало нового, лучшего века.

Десять миллионов людей пало в бою; двадцать миллионов стали инвалидами; среди гражданского населения тринадцать миллионов умерло от голода и эпидемий; миллионы разоренных, бездомных людей бродили среди дымящихся развалин Европы. Но вот, наконец, война окончилась, и мир прислушивался к словам о мире.

«В моем понимании Лига наций должна действовать как организованная моральная сила народов всего мира»¹⁵, — сказал Вудро Вильсон.

В начале января 1919 г. «большая четверка» — Вудро Вильсон, Дэвид Ллойд Джордж, Жорж Клемансо и Витторио Орландо — собралась в Париже, в конференц-зале на Кэ д'Орсэ, для переговоров о мире во всем мире.

Но одна шестая земного шара не была представлена на мирной конференции.

Пока миротворцы совещались, десятки тысяч союзнических солдат вели необъявленную кровопролитную войну против Советской России. Бок о бок с контрреволюционными белыми армиями Колчака и Деникина войска союзников сражались с молодой Красной армией на необъятном поле битвы, простиравшемся от Арктики до Черного моря и от украинских плодородных равнин до гор и степей Сибири.

По всей Европе и Америке весной 1919 г. распространялась яростная, чудовищная антисоветская пропаганда. Лондонская «Дейли телеграф» писала, что в Одессе наступило «царство террора» и к тому же объявлена «неделя свободной любви». «Нью-Йорк сан» изощрялась в заголовках, вроде: «Красные изувечили американских раненых топорами». «Нью-Йорк таймс» сообщала: «Россия при красных — гигантский бедлам... Спасшиеся жертвы рассказывают, что буйные помешанные свободно разгуливают по улицам Москвы... вырывают падаль у собак...» Пресса всего мира, как союзническая, так и германская, печатала «подлинные документы», из коих явствовало, что в России «молодых женщин и девушек из буржуазных семей насильно сгоняют в казармы... на потребу артиллерийских полков!»

Правдивые сообщения о положении в России, — независимо от того, исходили ли они от журналистов, агентов разведки, дипломатов или даже генералов, как, например, Джадсон и Гревс, — замалчивались или игнорировались. Всякого, кто осмеливался поднять голос против антисоветской кампании, автоматически клеймили словом «большевик».

Не прошло и двух месяцев после перемирия, а вожди союзников, казалось, уже забыли о том, ради чего велась грандиозная четырехлетняя война. Все другие соображения отошли на задний план перед «угрозой большевизма». Она определила собою весь ход Парижской конференции.